

Иосиф Александрович Бродский

(1940–1996)

<https://citaty.net/autori/josif-brodskij/>

1. Предпочитает не собеседника, а молчаливого слушателя, даже если обращался к читателю напрямую (чего он не любил):

«Памяти Геннадия Шмакова» (1989) – одно из самых известных его стихотворений

- жанр послания

(«На смерть друга» 1973)

(«Двадцать сонетов...» 1974)

2. В его стихах воспроизведено отчаяние, неврастения и страх

- вопреки этому стал для читателей «лучшим, талантливейшим поэтом»

- читать его можно было только в самиздате или тамиздате

«Натюрморт», 1971

«Пьяцца Маттеи», 1981

3. Бродский старается сделать свою **речь максимально естественной**, будничной (даже и поздний Бродский – любитель **сложных синтаксических конструкций**). Запоминающаяся рифма, метафоры; намеренно сталкиваются высокая лексика с низкой, жаргонной (вплоть до нецензурной), высокие романтические понятия – с подчеркнута бытовыми.

«Осенний крик ястреба» (1975)

- уже с начала в его стихах необычный **синтаксис** (длинные предложения, переносы, инверсии) – благодаря этому, несмотря на регулярность ритма, стихотворения Бродского напоминают прозаическую повествовательную речь или речь-рассуждение.

4. Предельная честность, **безжалостная точность (и в деталях быта)**, с которой Бродский говорит о трагедии повседневного существования:

«Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...», 1971

- это дало читателю и большое утешение, что не только нам одним плохо

- поэтому пользовалась горько-ироническая поэзия Бродского таким успехом – чем поэзия беспощадней, тем она утешительней

Я памятник воздвиг себе иной!.. (1962)

Книга: Иосиф Бродский. Стихотворения и поэмы

Я памятник воздвиг себе иной!
К постыдному столетию -- спиной.
К любви своей потерянной -- лицом.
И грудь -- велосипедным колесом.
А ягодицы -- к морю полуправд.

Какой ни окружай меня ландшафт,
чего бы ни пришлось мне извинять, --
я облик свой не стану изменять.
Мне высота и поза та мила.
Меня туда усталость вознесла.

Ты, Муза, не вини меня за то.
Рассудок мой теперь, как решето,
а не богами налитый сосуд.
Пускай меня низвергнут и снесут,
пускай в самоуправстве обвинят,
пускай меня разрушат, расчленят, --

в стране большой, на радость детворе
из гипсового бюста во дворе
сквозь белые незрячие глаза
струей воды ударю в небеса.

Jiný pomník jsem si vztyčil tady!

Ke století obrácený zády.
Ke ztracené lásce svojí tváří.
Hrud' jak kolo od bicyklu září.
Bobule se k moři polopravd popíná.

Ať mě obklopí jakákoliv krajina,
i kdybych se měl bůhvíproč omlouvat,--
do jiných bot nezačnu se obouvat.
Ta výška a póza jsou mi milé.
Sem mě vynesla znavená chvíle.

Múzo, nejsem za to odpovědný.
Můj rozum děravý je jak cedník,
a ne bohy naplněný kornout.
Ať mě klidně pokácí a svrhnou,
ať mě z diktátorství obviní,
ať mě zboří, počmárají, pošpiní,--

ve velké zemi, pro radost dětí
ze sádrové bysty mezi smetím
skrz bílé nevidoucí oči
do nebes budu proudem vody zurčit.

V překladu Norberta Holuba: <http://www.listy.cz/archiv.php?cislo=061&clanek=010620>

Пушкин - https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1836/0617.htm

НЕ ВЫХОДИ ИЗ КОМНАТЫ...

Бродский Иосиф

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно все, особенно - возглас счастья.
Только в уборную - и сразу же возвращайся.

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более - изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,
слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

1970

<https://poembook.ru/poem/246837-ne-vykhodi-iz-komnaty>

Иосиф Бродский

Осенний крик ястреба (1975)

Книга: Иосиф Бродский. Стихотворения и поэмы

<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7700>

Северозападный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалой
фермы, суслика на меже.

На воздушном потоке распластанный, одинок,
все, что он видит -- гряды покатых
холмов и серебро реки,
вьющейся точно живой клинок,
сталь в зазубринах перекаатов,
схожие с бисером городки

Новой Англии. Упавшие до нуля
термометры -- словно лары в нише;
стынут, обуздывая пожар
листьев, шпигли церквей. Но для
ястреба, это не церкви. Выше
лучших помыслов прихожан,

он парит в голубом океане, сомкнувши клюв,
с прижатою к животу плюсною
-- когти в кулак, точно пальцы рук --
чуя каждым пером поддув
снизу, сверкая в ответ глазною
ягодою, держа на Юг,

к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу
буков, прячущих в мощной пене
травы, чьи лезвия остры,
гнездо, разбитую скорлупу
в алую крапинку, запах, тени
брата или сестры.

Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,
точно ножницами сечет,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, ее же
увеличивая за счет

еле видимого глазу коричневого пятна,
точки, скользящей поверх вершины
ели; за счет пустоты в лице

ребенка, замершего у окна,
пары, вышедшей из машины,
женщины на крыльце.

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк,
он видит как бы тринадцать первых
штатов, он видит: из

труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она.
Эк куда меня занесло!
Он чувствует смешанную с тревогой
гордость. Перевернувшись на

крыло, он падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в бесцветную ледяную гладь.
В желтом зрачке возникает злой
блеск. То есть, помесь гнева
с ужасом. Он опять

низвергается. Но как стенка -- мяч,
как падение грешника -- снова в веру,
его выталкивает назад.
Его, который еще горяч!
В черт-те что. Все выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад

птиц, где отсутствует кислород,
где вместо проса -- крупа далеких
звезд. Что для двуногих высь,
то для пернатых наоборот.
Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.

И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк,
клюва, похожий на визг эриний,
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический, ибо не

предназначенный ни для чьих ушей:
людских, срывающейся с березы
белки, тьявкающей лисы,
маленьких полевых мышей;
так отливаться не могут слезы
никому. Только псы

задирают морды. Пронзительный, резкий крик
страшной, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза.
Ибо там, наверху, тепло

обжигает пространство, как здесь, внизу,
обжигает черной оградой руку
без перчатки. Мы, восклицая "вон,
там!" видим вверху слезу
ястреба, плюс паутину, звуку
присушую, мелких волн,

разбегающихся по небосводу, где
нет эха, где пахнет апофеозом
звука, особенно в октябре.
И в кружеве этом, сродни звезде,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,

опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда
перл, сверкающую деталь.
Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,

чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони. И на мгновенье
вновь различаешь кружки, глазки,
веер, радужное пятно,
многоточия, скобки, звенья,
колоски, волоски --

бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.
И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пестрых куртках
и кричит по-английски "Зима, зима!"

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Имяреку, тебе, - потому что не станет за труд
из-под камня тебя раздобыть, - от меня, анонима,
как по тем же делам: потому что и с камня сотрут,
так и в силу того, что я сверху и, камня помимо,
чересчур далеко, чтоб тебе различать голоса -
на эзоповой фене в отечестве белых головок,
где наощупь и слух наколот ты свои полюса

в мокром космосе злых корольков и визгливых сиповок;
имяреку, тебе, сыну вдовой кондукторши от
то ли Духа Святого, то ль поднятой пыли дворовой,
похитителю книг, сочинителю лучшей из од
на паденье А. С. в кружева и к ногам Гончаровой,
слововержцу, лжецу, пожирателю мелкой слезы,
обожателю Энгра, трамвайных звонков, асфodelей,
белозубой змее в колоннаде жандармской кирзы,
одинокому сердцу и телу бесcчетных постелей -
да лежится тебе, как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле, местных труб проходимцу и дыма,
понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима.
Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
чьи застешки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.
1973

<http://www.staroradio.ru/audio/10479>

«Имярек» -

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D1%8F%D1%80%D0%B5%D0%BA>